

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ф. И. Тютчев

«Я ВСТРЕТИЛ ВАС...»

Школьная библиотека (Детская литература)

Федор Тютчев

«Я встретил вас...» (сборник)

Издательство «Детская литература»

1997

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

Тютчев Ф. И.

«Я встретил вас...» (сборник) / Ф. И. Тютчев — Издательство
«Детская литература», 1997 — (Школьная библиотека (Детская
литература))

ISBN 978-5-08-005624-6

Эта книга состоит из двух частей. Первая часть – повесть «Поэт гармонии и красоты» Г. В. Чагина рассказывает о детстве, об основных событиях жизни, об особенностях творчества величайшего русского поэта Ф. И. Тютчева. Вторая часть – избранные стихотворения великого лирика. Для старшего школьного возраста.

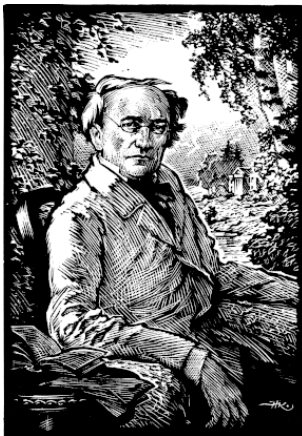
УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-08-005624-6

© Тютчев Ф. И., 1997
© Издательство «Детская
литература», 1997

Содержание

Поэт гармонии и красоты	6
Начало биографии	6
«На первой днѣй моих заре...»	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

F. Tyutchev

1803—1873

Федор Иванович Тютчев

«Я встретил вас...»

© Чагин Г. В., повесть «Поэт гармонии и красоты», составление и комментарии, 1997

© Калита Н. И., иллюстрации, 1997

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2017

* * *

Поэт гармонии и красоты **(О жизни и творчестве Ф. И. Тютчева)**

Начало биографии

Любителям поэзии хорошо известно четверостишие Федора Ивановича Тютчева, которое он написал на последнем десятке своей долгой, полной событиями жизни:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить;
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Трудно, да, пожалуй, и вряд ли возможно измерить этим «аршином общим» и сам жизненный и творческий путь великого русского поэта. Не случайно, что даже самые близкие Федору Ивановичу люди часто теряли всякую возможность понять его мятушуюся душу.

«Он мне представляется одним из тех изначальных духов, таких тонких, умных и пламенных, которые не имеют ничего общего с материей, но у которых нет, однако, и души. — Так записывает о нем свои впечатления старшая дочь поэта, Анна Федоровна, наиболее близкая ему по мыслям и чувствам. — Он совершенно вне всяких законов и правил. Он поражает воображение, но в нем есть что-то жуткое и беспокойное...»

Понять его до конца представлялось возможным только долго общавшимся с ним. И видимо, далеко не случайно, что первым биографом поэта стал муж Анны Федоровны, общественный деятель и публицист Иван Сергеевич Аксаков — сын известного писателя Сергея Тимофеевича Аксакова. Ивану Сергеевичу это было сделать легче, чем кому-либо другому, ибо известно, что дневниковых записей Тютчев никогда не вел, писем не хранил и совершенно не беспокоился о том, насколько полно и точно дойдут до потомков факты его биографии. Не только как член тютчевской семьи, но и как особенно близкий поэту по общественно-политическим взглядам человек, Иван Сергеевич вполне имел право быть его первым биографом. Не последнюю роль сыграл в этом и писательский талант И. Аксакова.

Уже через восемь месяцев после смерти поэта, в марте 1874 года, в одном из своих писем к Федору Васильевичу Чижову, писателю-славянофилу, Аксаков сообщал: «Я занят с утра до ночи и часть ночи; тороплюсь кончить свою работу о Тютчеве и по поводу Тютчева... Я знаю, вы не любите Тютчева или относитесь к нему с предубеждением, но беру с вас слово вперед: прочесть мою книгу от доски до доски».

Трудился Иван Сергеевич в имении жены Турово на Оке, Серпуховского уезда, в небольшом уютном двухэтажном домике с видом на зеленую пойму красавицы реки.

К лету биография была написана. Но опубликованная в сентябрьском номере журнала «Русский архив» работа была распоряжением правительства конфискована. Слишком популярен был тогда Аксаков, общественный деятель и журналист, своими статьями нередко вызывавший недовольство правящих кругов. И очередная возможность публикации его воззрений в связи с именем Тютчева, видимо, испугала цензуру. Поэтому отдельным изданием «Биография Федора Ивановича Тютчева» появилась на свет только в 1886 году. С тех пор, с аксаковских времен, полнее и достовернее Ивана Сергеевича о Тютчеве пока не сказал никто. Поэтому почитатели тютчевской поэзии до сих пор читают лишь о каких-то отдельных сторонах его

жизни или творчества, сожалея, что нельзя за один раз прочесть все о всем Тютчеве. Да и возможно ли это на самом деле?..

«На первой днѣй моих заре...»

Примерно в тридцати километрах от древнего городка Углича лежит село Знаменское, получившее, вероятно, свое распространенное название на Руси по стоявшей в нем церкви. Кто знает, может быть, сам родоначальник славной фамилии «храбрый муж Захарий Тютчев» получил эти земли на Ярославщине от московского великого князя Дмитрия Иоанновича Донского за свою дипломатическую и ратную службу на благо зарождающегося Российского государства. С незапамятных времен служилые дворяне и ратники Тютчевы нередко встречаются среди владельцев земель в Мышкинском, Угличском и Кашинском уездах. Скорее всего, именно в селе Знаменском в 1688 году родился и прадед поэта, Андрей Данилович Тютчев, походный журнал которого с рассказами о многих ратных приключениях его владельца вполне мог читать потом и его знаменитый правнук.

Родом из-под Углича был и дед поэта, статный красавец Николай Андреевич Тютчев, секунд-майор и инженер, после выхода в отставку ставший помещиком, а затем и уездным предводителем дворянства (с последней четверти XVIII века) Брянского уезда, Орловской губернии. В 1762 году он по совету родственников выбрал в жены небогатую, но видную и домовитую владелицу подгородного села Овстуг, Пелагею Денисовну Панютину. Стараниями их и их детей Овстуг за долгие полтора столетия станет богатой родовой усадьбой Тютчевых.

Третий сын Николая Андреевича, Иван Николаевич Тютчев (1768–1846), получил образование в Петербурге, в основанном Екатериной II Греческом корпусе. В 1798 году он женился на Екатерине Львовне Толстой (1776–1866) и примерно в это же время вышел в отставку в чине поручика. Несколько лет семья прожила в Овстуге, где у молодых родились первенец Николай (1801–1870) и 23 ноября 1803 года будущий поэт Федор. После появления других детей Тютчевы все чаще подолгу гостили в Москве у тетки Екатерины Львовны, графини Анны Васильевны Остерман, а потом, когда пришла пора учения старших сыновей, купили дом в Армянском переулке в декабре 1810 года.

Главой семьи считалась Екатерина Львовна. «Маменька» – так ее называли все в доме. Происходя по матери из рода Римских-Корсаковых, она приходилась племянницей известному военачальнику, генералу Александру Михайловичу Римскому-Корсакову, сподвижнику А. В. Суворова. Ее мать, Екатерина Михайловна, умерла в 1788 году, оставив мужу, Льву Васильевичу Толстому, одиннадцать детей – трех сыновей и восемь дочерей. Старших детей отдали в учение, а большинство младших взяли на воспитание родственники. Так Екатерина Львовна в двенадцать лет попала к своей бездетной тетке, Анне Васильевне.

Муж тетки, граф Федор Андреевич Остерман (в честь кого и был, скорее всего, назван поэт), сенатор, действительный тайный советник, служил некоторое время московским генерал-губернатором, был богат, имел собственные дома в Москве и Петербурге. В одном из таких домов в древней столице, в приходе церкви Трех Святителей на Кулишках, и провела свое детство Екатерина Толстая, мать поэта, через которую он приходился родней известным дворянским родам Толстых и Остерманов.

Аксаков, узнавший Екатерину Львовну уже в преклонном возрасте, характеризовал ее как «женщину замечательного ума, сухощавого, нервного сложения, с склонностью к ипохондрии, с фантазией, развитою до болезненности». «Ипохондрией» в те времена называли преувеличенное внимание к состоянию собственного здоровья. Эта склонность к преувеличению собственных недугов не помешала матери большого семейства дожить до глубокой старости, почти до порога своего девятидесятилетия.

Благодаря доброму, незлобивому характеру отца, Ивана Николаевича, в семье Тютчевых всегда царила спокойная, благожелательная обстановка. «Смотря на Тютчевых, – записывал в

юности в своем дневнике университетский приятель поэта Михаил Петрович Погодин, – думал о семейном счастье. Если бы все жили так просто, как они».

Отец поэта, по свидетельству того же Аксакова, слыл человеком рассудительным, «с спокойным, здоровым взглядом на вещи», отличался «необыкновенным благодушием, мягкостью, редкой чистотой нравов», но, к сожалению, «не обладал ни ярким умом, ни талантами».

Первым биографом Ивана Николаевича стал сын Федор, воспевающий в стихах добрые качества отца. Юному стихотворцу тогда еще не исполнилось и одиннадцати лет, и чтение им стихотворения, по крайней мере у родителей, всегда вызывало слезы восторга. Стихотворение было написано ко дню рождения отца, 13 ноября, по всей вероятности 1814 года, и называлось «Любезному папеньке!»:

В сей день счастливый нежность сына
Какой бы дар принести могла!
Букет цветов? – но флора отцвела,
И луг поблекнул и долина...

Конечно, не только для того, чтобы сделать отцу приятное в день его рождения, сын называет его «Друг истинный добра и бедных покровитель». За добрым советом, зная, что редко получают отказ, шли к Ивану Николаевичу и его дворовые, и овстугские крестьяне. Был он и хлебосольным хозяином, мог поделиться с нуждающимися деньгами. Не только жена и дети, но и слуги не слышали от него грубого слова.

1814 год. Появление первых стихотворений одного из будущих величайших поэтов России совпало со многими выдающимися событиями. Страна, только что победившая армию Наполеона, переживала громадный национальный подъем. Это было время повсеместного зарождения свободлюбивых идей, время появления первых тайных обществ в России. Прошедшая Отечественная война 1812 года уже становилась достоянием истории.

«Нам никогда не случалось слышать от Тютчева никаких воспоминаний об этой године (имеется в виду 1812 год. – Г. Ч.), – писал Аксаков, – но не могла же она не оказать сильного, непосредственного действия на восприимчивую душу девятилетнего мальчика. Напротив, она-то, вероятно, и способствовала, по крайней мере в немалой степени, его преждевременному развитию, – что, впрочем, можно подметить почти во всем детском поколении той эпохи. Не эти ли впечатления детства как в Тютчеве, так и во всех его сверстниках-поэтах зажгли ту упорную, пламенную любовь к России, которая дышит в их поэзии и которую потом уже никакие житейские обстоятельства не были властны угасить...» И хотя о событиях тех лет поэт много позже вспоминал лишь в двух стихотворениях «Наполеон» (1832–1850) и «Неман» (1853), годы войны для него не прошли бесследно.

В становлении поэтического таланта Тютчева большую роль сыграл его учитель русской словесности, Семен Егорович Раич, начавший занятия со своим питомцем в Овстуге весной 1813 года. Сын сельского священника Амфитеатрова, взявший себе литературный псевдоним по названию родного села Рай-Высокое, Раич после окончания семинарии не пошел по духовной стезе, увлекся стихами, мечтая поступить в Московский университет. «Маленький ростом, какой-то чернокожий, тщедушный, почти монах по образу жизни, он любил в стихах своих выражать наслаждение жизнью – буянил в стихах...» – немного желчно, но, в общем, верно вспоминал о нем Ксенофонт Алексеевич Полевой, критик, журналист, один из редакторов «Московского телеграфа». А до осуществления своей мечты Раич пошел в домашние учителя.

«...Провидению угодно было вверить моему руководству Ф. И Тютчева, вступившего в десятый год жизни, – напишет Семен Егорович в автобиографии. – Необыкновенные дарования и страсть к просвещению милого воспитанника изумляли и утешали меня; года через три

он уже был не учеником, а товарищем моим, – так быстро развивался его любознательный и восприимчивый ум!»

Переезд Тютчевых в Москву и житье в их доме в Армянском переулке Раича вполне устраивали. До Московского университета, куда он начал готовиться для поступления, было рукой подать. Устраивало его и летнее пребывание со своим воспитанником в подмосковном имении Тютчевых Троицком в Теплых Станах.

«Это время было одной из лучших эпох моей жизни, – записывал в биографии стареющий Раич. – С каким удовольствием вспоминаю я о тех сладостных часах, когда, бывало, весной и летом, живя в подмосковной, мы вдвоем с Ф[едором] И[вановичем] выходили из дому, напасались Горацием, Вергилием или кем-нибудь из отечественных писателей и, усевшись в роще, на холмике, углублялись в чтение и утопали в чистых наслаждениях красотами гениальных произведений Поэзии!»

Современники Семена Егоровича отмечали его отличное знание «классических поэтов римских и итальянских», большие способности поэта в «преподавании детям благородных семейств уроков в русской словесности». Бесспорно, что Раич приобщил Тютчева к итальянскому языку, зажег в нем любовь к латинской поэзии, сделал Горация кумиром юного поэта. Отсюда и множество ранних подражаний шедеврам латинской поэзии, встречавшихся в юношеских произведениях Тютчева.

В 1818 году Раич закончил университет со степенью кандидата прав и вновь вернулся к своим обязанностям домашнего учителя Федора Тютчева. «Вступив снова в дом Тютчевых, – вспоминал Семен Егорович, – я успел приготовить ученика своего к университету, посещал с ним частные лекции Алексея Федоровича Мерзлякова и слушал профессоров словесного факультета».

Мерзляков, светило словесного факультета Московского университета, более четверти века состоявший его деканом, был весьма колоритной фигурой московского общества. По свидетельству «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского Московского университета», он «был невысокого роста, широкоплечий и плотный, грудь имел широкую, голову большую. Волосы на ней были обстрижены почти в кружало. Из-под густых бровей и длинных ресниц светились серые глаза, исполненные огня и жизни. Лицо овальное, но скулы выпуклые, рот широкий; нижняя губа несколько выдавалась, особенно во время чтения. Голос его был густ, громок, но не совсем ясен. Стихи читал он нараспев, иногда усиливая, иногда умягчая звуки голоса. Бывал почетным гостем на больших обедах, оратором за столом и в гостиной, которого все слушали. Был добр, мягкосердечен, незлобив. Очень любили студенты».

Бывал Мерзляков частым гостем и в хлебосольном доме Тютчевых, особенно с тех пор, когда младший сын Ивана Николаевича, Феденька (к тому времени три младших сына Ивана Николаевича уже умерли во младенчестве, и роль младшего теперь отводилась юному поэту), стал посещать частный пансион, который держал при своем доме маститый профессор, постоянно нуждаясь в дополнительных заработках. Вскоре Мерзляков начал выделять своего юного воспитанника, радуясь его первым стихотворным опытам.

Посещал Тютчев вместе с Раичем и Общество любителей российской словесности, созданное при Московском университете в 1811 году. Мерзляков, будучи одним из основателей Общества, и там покровительствовал своему юному воспитаннику. На тридцать третьем заседании Общества было прочитано стихотворение Тютчева «Вельможа (Подражание Горацию)». Уже на следующем заседании, 30 марта 1818 года, опять же по рекомендации Мерзлякова, юный поэт и его учитель Семен Егорович Амфитеатров были приняты в сотрудники Общества.

Конец 1817-го и начало 1818 года были для Тютчева по всем статьям полны многими литературными впечатлениями, памятливыми встречами. Еще 28 октября 1817 года в доме в

Армянском переулке произошло важное событие. На обед к Ивану Николаевичу Тютчеву пожаловал поэт Василий Андреевич Жуковский, недавно официально назначенный преподавать русский язык в императорской семье и вот теперь приехавший вместе с ней в древнюю столицу. И эта встреча не прошла бесследно для юного поэта.

Примерно через полгода Иван Николаевич, заботясь о дальнейшей литературной судьбе сына, решил вместе с ним продолжить знакомство с маститым поэтом, навестить Жуковского. Рано утром 17 апреля он повел Федора в Кремль. Василий Андреевич, находясь при дворе, разместился в одной из келий Чудова монастыря.

О впечатлениях той поры Федор Иванович за три месяца до своей кончины продиктует жене проникновенные строки:

На первой дней моих заре,
То было рано поутру в Кремле,
То было в Чудовом монастыре,
Я в келье был и тихой и смиренной,
Там жил тогда Жуковский незабвенный...

Встречался Тютчев с Жуковским и на заседаниях Общества любителей российской словесности. Согласно его уставу, сотрудники должны были ежегодно представлять по крайней мере по одному своему сочинению. Это неукоснительно соблюдал и Тютчев. На следующий год, на сорок первом заседании, 8 марта, С. В. Смирнов, один из лучших чтецов Общества, прочел перед собравшимися «Послание Горация к Мecenату...», «...перевод сотрудника Ф. И. Тютчева». Это была своеобразная вариация на тему 29-й оды Горация из третьей книги «Од». «Послание...» стало первым опубликованным произведением юного поэта. Напечатано оно было в 14-й части «Трудов» Общества за 1819 год.

Увлеченный в то время Горацием и подражая ему, Тютчев как бы входил в лагерь русских поэтов конца XVIII – начала XIX века. А Мерзляков был для юного стихотворца своеобразной живой связью с ними, ибо хорошо знал собратьев по Парнасу, считал себя их современником. Понятна поэтому опека Мерзлякова, который дал Федору Тютчеву рекомендацию в сотрудники Общества, а потом рекомендовал для поступления в университет, участвовал в приемных экзаменах и, наконец, после успешных экзаменов писал прошение о зачислении своего ученика в студенты.

А еще через год, опять-таки не без рекомендации Алексея Федоровича, как одному из способнейших в стихосложении студентов, Тютчеву поручили сочинить оду на торжественный ежегодный акт университета. И Тютчев написал одическое стихотворение «Урания», за которое получил похвальный лист и приобрел благосклонность университетского начальства.

Тесные дружеские отношения, поддерживавшиеся потом на протяжении долгих лет, сложились у Федора Ивановича со студентом словесного отделения, бывшего старше его курсом, Михаилом Петровичем Погодиным. Разночинец, сын управляющего имениями графа И. П. Салтыкова, Погодин все годы учения вынужден был давать частные уроки детям в богатых дворянских семьях, чем практически и жил. Не исключено, что услугами Погодина, более прилежного в учении, пользовался и Тютчев, особенно когда дело касалось приближающихся экзаменов, а нужных конспектов у младшего из друзей под руками не оказывалось.

Чаще всего Федор Иванович и Михаил Петрович встречались в селе Троицком, под Москвой. Рядом в Знаменском, имении князей Трубецких, Погодин служил домашним учителем. Именно там летом 1820 года он начал вести дневник. Этому дневнику прежде всего мы обязаны сохранением множества интересных подробностей о студенческой и вообще московской жизни Тютчева. Погодин много и охотно записывал о своих отношениях с юным поэтом,

об их бесчисленных разговорах, мыслях, круге чтения, о русских и европейских авторах понравившихся обоим книг.

«Ходил в деревню к Ф. И. Тютчеву, – отмечал он в августе 1820 года, – разговаривал с ним о немецкой, русской, французской литературе... об авторах, писавших об этом: Виланде, Лессинге, Шиллере, Аддисоне, Паскале, Руссо... Еще разговаривал о бедности нашей в писателях. Что у нас есть? Какие книги имеем мы от наших богословов, философов, математиков, физиков, химиков, медиков? О препятствиях у нас к просвещению...»

Уже одно перечисление европейских писателей вызывает уважение к друзьям, младшему из которых не исполнилось еще и семнадцати, делает честь их начитанности и широте кругозора. В числе прочитанных авторов, например, Христофор Виланд, немецкий писатель, создавший живую литературную форму рассказа, автор в то время известных романов «Арагон» и «Абдеритяне»; англичанин Джозеф Аддисон, автор знаменитой трагедии «Катон», в которой он призывал служить гражданским идеалам, беря в пример Древний Рим.

Подчеркивает их любознательность и имя выдающегося немецкого писателя-баснописца и драматурга Готтольда Лессинга, сыгравшего видную роль в истории немецкой философии и общественной мысли. А сколько ночей провели юноши над захватывающим чтением знаменитой «Исповеди» – романа Жан Жака Руссо, в котором автор не побоялся рассказать правду о самом себе! А известные трактаты Блеза Паскаля? Но любимым поэтом и драматургом Тютчева всегда оставался Фридрих Шиллер, стихотворения которого он вскоре с наслаждением начнет переводить.

Годы учения Погодина, Тютчева и их сверстников считались «патриархальной эпохой» Московского университета. «Студенческая жизнь, – вспоминал знаменитый хирург Николай Иванович Пирогов, – до кончины императора Александра I была привольная. Мы не видывали попечителя – князя Оболенского, да и с ректором – Антонским – встречались вступающие в университет кутилы и забияки (видимо, имелись в виду нравоучительные беседы с ними. – Г. Ч.). Несмотря на это, я не помню ничего особенно неприличного. Скорее выдавалась и поражала нас наружность у профессоров, так как одни из них, в своих каретах четверкою, с ливрейными лакеями на запятках... казались нам важными сановниками, а другие... ездившие на ваньках, во фризовых шинелях – имели вид преследуемых судьбою париев».

Можно сказать, что университетские науки после неплохой домашней подготовки давались юноше сравнительно легко. Знание с детства французского и немецкого языков, широкие интересы Тютчева, эрудиция преподавателей, хороший круг друзей в определенной мере дают представление о том, как сформировался человек, о котором десять лет спустя, даже не подозревая о большом поэтическом таланте его, Иван Васильевич Киреевский скажет, что «у нас таких людей европейских можно счесть по пальцам...».

Внимательное знакомство с юношеским периодом жизни поэта и подскажет нам секрет того, как мог в довольно средней дворянской семье вырасти по-европейски образованный дипломат, которого вскоре после начала его дипломатической службы, в середине двадцатых годов прошлого века, величайший немецкий поэт Генрих Гейне будет считать одним из своих лучших русских друзей. Известный немецкий философ Фридрих Шеллинг также высоко оценил ум и знания юного русского дипломата.

Успехи сына в науках, его внутреннее возмужание было замечено и родителями. Они дали повод маменьке попытаться с помощью протекций и родственных связей помочь Федору окончить университет в два года вместо трех и устроиться поскорее на службу.

В августе 1821 года Погодин пишет одному из университетских приятелей: «Тютчеву, кажется, вышло разрешение на экзамен. Князь Андрей Петрович Оболенский (попечитель) был у графини Остерман-Толстой, тетки Тютчева, и сказывал ей, что дело идет уж из Питера». Это и было дело о разрешении Тютчеву сдачи экзаменов за полный курс окончания универ-

ситета. При этом было принято во внимание, что юный поэт три года был вольнослушателем, когда он вместе с Раичем посещал университет до поступления в него.

Результаты экзаменов превзошли все ожидания, о чем и был составлен соответствующий акт, в котором, в частности, говорилось, что «Тютчев не только достоин звания действительного студента, но и звания кандидата словесных наук...». Это утверждение «в кандидатском достоинстве» состоялось 23 ноября 1821 года, в день восемнадцатилетия Федора Тютчева, а через три недели он уже держал в руках аттестат об окончании Московского университета «в степени кандидата Отделения словесных наук».

Шли к концу и посещения поэтом Общества любителей российской словесности. На пятьдесят шестом заседании Общества один из лучших чтецов его Федор Федорович Кокошкин прочитал тютчевское «Весеннее приветствие стихотворцам», которое вскоре было опубликовано в двадцатой части «Трудов» Общества. И наконец, 18 марта 1822 года, когда Тютчев уже был зачислен на службу в Государственную коллегию иностранных дел и находился в Петербурге, С. В. Смирнов читал переложение Тютчевым элегии Ламартина «Уединение», опубликованное потом сразу в нескольких изданиях под заголовком «Одиночество».

Последний раз Тютчев присутствовал на заседании Общества 27 мая 1822 года, вскоре по возвращении из Петербурга, где его родственник, известный герой Кульмской битвы, генерал от инфантерии Александр Иванович Остерман-Толстой, выхлопотал для племянника должность сверхштатного чиновника при русской дипломатической миссии в баварской столице. Тютчев прощался с друзьями, старыми профессорами, с известными поэтами Москвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.